

Сергей СТРАХОВ

РАЗОРВАННАЯ КНИГА

Рассказ

Весна – и в эпоху перемен весна. Она пришла в мой Киев в 92-м вместе с утратой привычной до скуки стабильности и под аккомпанемент бодрящей гиперинфляции. Съёжились белые в чёрных подпалинах сугробы у бордюров, заискрилась узорная грязь под колёсами переполненных автобусов, выписывающих лысой резиной броуновские узоры на мокром снегу. Скупой на фотоны зимний свет сменился ярко-жёлтым водопа-

дом, по которому к нам стремительно летели с неба солнечные зайчики.

Не только водители осознали, что земля уходит из-под ног. Прочное основание пропало у всех и сразу. Почти все забросили подальше свои призвания и дары божьи, закопали в землю таланты и ударились в торговлю всем, что пользовалось спросом. Откуда-то взялись мастера продавать даже то, что никаким спросом никогда не пользовалось. Но продавалось. В глазах рябило от клетчатых баулов, пёстрых базарчиков у метро и жалобных дерматиновых пенсионерских тележек, которые сразу окрестили «кравчучками» в честь президента.

Кто искал своё Эльдorado в Китае, кто в Турции, кто в Эмиратах, кто в Польше или в ещё целой Югославии. Но были и такие, как автор этих строк, которые уже лет десять как знали, что такое жить на подножном корму. Нас называли малоизвестным тогда термином «фрилансеры», то бишь «вольные копыя». Которых, как волка, ноги кормят.

Тогдашние фрилансеры – это экскурсоводы, фотографы и художники (почти все названные, правда, были ограничены в поисках заказов местами, где снуют туристы). А вот мы, переводчики, которых сам А. С. Пушкин уважительно окрестил «почтовыми лошадьми просвещения», были полностью свободны. И всегда настроены на поиск работы. Мы искали её, и она находила нас.

Моя подруга и многолетняя коллега Лена до начала этого калейдоскопа переводила для Всесоюзного центра переводов. Эта фирма конкурировала с Торгово-промышленной палатой, где подвизался я. Ну да ладно, фирмы пускай конкурируют, а коллеги друг другу цену знают. И помогают, как могут.

За год до описываемых событий я размеренно переводил научные статьи из западных журналов для закрытых советских «почтовых ящиков». Лена занималась в своем центре примерно тем же. Но вот всё изменилось, и наши с ней скромные гонорары вдруг начали приобретать непривычный зелёный оттенок.

Да и работа стала куда более разнообразной: в Киев потянулись рискованные бизнесмены, адепты всевозможных религий, энтузиасты-волонтеры из американского Корпуса мира, европейские бюрократы и консультанты, потомки первых диаспор двухсотлетней давности, да и просто туристы. Всех этих персонажей объединяло одно: совершенное незнание местных языков, да и

местных реалий тоже (хотя тогдашние реалии и нам, местным жителям, были в диковинку).

И за всеми этими «незнайками на луне» мы охотились, как на сафари, и старались убедить их в собственной незаменимости.

В тот мартовский день Лена позвонила мне и вызвала на срочную встречу. Я ждал её у метро. Уже по пружинящей походке я узнал фрилансера на охоте. Серые глаза Лены победно сверкали. А ведь всего неделю назад я пристроил её переводить на двухдневном семинаре какого-то проповедника из Штатов, а она меня вывела на одного француза, задумавшего создать совместное предприятие. И вот опять что-то новое.

Лена начала с ходу:

– Книгу переводить будем? Вдвоём? Берёмся?

– Спрашиваешь! Переводить я готов что угодно и кого угодно. Даже старушек через дорогу!

– Ну, тогда побежали! – скомандовала Лена.

И мы побежали.

Бежать пришлось недалеко, до одного из зданий, в котором умирал бывший НИИ. Его начальство выживало за счёт сдачи в аренду помещений фирмам и фирмочкам, а судьба тех, кто всю жизнь провёл в этих помещениях, уже никого не интересовала. «Не вписались в рынок», – такую эпитафию для них произнёс известный рыжий циник тех (да и последующих) времён.

По указанному адресу нас ждал заказчик. Первые признаки предприятия нового типа – несколько кожаных офисных стульев, столы чёрного дерева, кофемашина в одном углу и кулер – в другом. Хозяина кабинета звали Владимиром Валентиновичем, а фамилию его мы так и не узнали.

Он был, как бы сегодня сказали, пиратом. Но тогда все были такими. Но этот даже обликом своим соответствовал образу пирата. Нет, ни серьги в ухе, ни треуголки, ни попуга на плече не было. Но взгляд небольших глаз стального цвета был весьма уверенным, решительным, даже безжалостным. Этот джентльмен удачи решил наводнить книжный рынок модными западными детективами (ясное дело, в переводе и, ясное дело, пиратскими). Все подземные переходы пестрели книжными развалами, где царил Джеймс Хедли Чейз, Алистер Маклин, Рекс Стаут. И у каждого был свой супергерой, сверхчеловек, воплощённый интеллект в броне из воли и литых кулаков.

Был в те годы и такой модный автор, как Микки Спиллейн. Он ещё лет за сорок до нашего визита к пирату-книгоиздателю взлелеял самого брутального изо всех супергероев, нью-йоркского частного детектива Майка Хаммера. Ну, Майк так Майк. Детективы Спиллейна не входили в круг моего чтения, но работу не выбирают.

Издатель взял со стола небольшую книжку карманного формата, где-то пятидесятих годов издания, с покоробившейся от времени обложкой. Соразмерным жанру был и рисунок на обложке: мрачный мускулистый тип в шляпе фасона «федора» с крупнокалиберной пушкой в руке (куда же без пушки) и сексапильная блондинка (куда же без блондинки). И название: «Целуй меня насмерть».

– Вот, – произнёс немногословный издатель. – Неделя времени. Сто пятьдесят баксов. Расчёт здесь.

И вдруг взял многострадальную книжку двумя руками и без видимого усилия разорвал её пополам. Лене досталось начало с героем и блондинкой, а мне – вторая половина, там, где надпись «The End».

И мы приступили. За неделю нужно было не только перевести по полторы сотни страниц, но и потратить уйму времени на согласование деталей, чтобы тонкие ценители книжных мордобоев даже не заметили, шелестя страницами, тонкой грани между стараниями двух переводчиков. Так что график был довольно жёсткий. Но сто пятьдесят долларов, они же тридцать тысяч купоно-карбованцев, манили к себе.

Муж Лены, опытный инженер-энергетик, на тот момент уже год как сидел дома и ругмя ругал окружающую реальность. До 91-го он работал на электростанции в Ираке, но после «Бури в пустыне» и развала его бывшей фирмы в Москве достойной работы на горизонте не вырисовывалось. Моя же благоверная, уйдя в декрет за четыре года до этого, обнаружила, что возвращаться из отпуска уже некуда. Поэтому занималась воспитанием отпрысков и созерцала с 13-го этажа череду новостроек. Ну, а мы с Леной, двое фрилансеров, с переменным успехом исполняли функции кормильцев своих семей.

Переводить половину книжки, не зная, с чего всё началось, – паззл не для слабонервных. Прежде чем начать барабанить по клавишам, нужно было мысленно воспроизвести образ героя и предположить, что же приключилось с ним вначале. Как он стал таким, какой он в моей половине книжки? А круг обязанностей Майка Хаммера как частного детектива был довольно узок: высле-

дить злодея – не дожидаясь приезда полиции, застрелить его – хлебнуть пива – ловко уклониться от объятий очередной спасённой красотки – выщелкнуть из пачки очередную «Лаки Страйк» – перевести дух – и в погоню за следующим злодеем. При этом он был циничен и безжалостен до садизма: норовил побольнее изрешетить пулями каждого попавшегося отрицательного героя. И перед каждым заключительным выстрелом несёт что-то псевдофилософское в адрес убиваемого.

Вот так сию, барабаню по клавишам своей выдавшей вида «Любавы» (компьютер в ту пору был только на работе, томился под замком за железной дверью), гоню листаж и пытаюсь представить или трудное детство Майка, или армейские тяготы, или, как водится, гибель напарника, за которого нужно примерно отомстить. Женщин откровенно не любит, кроме верной подруги Вельды, но та у Майка – начальник штаба, не более. Может, досталось ему в первой половине от дам, умучили они этого мачо? И спросить у Лены не могу: график работы настолько суров, что первые пять дней мы даже не созванивались.

И Лена задавалась теми же вопросами: она-то знала, как всё начиналось. В её половине тоже были и отклонения от дамских объятий, и с удовольствием застреленные злодеи, и пиво, и бесчисленные «Лаки Страйк» из смятой пачки. Потом Лена призналась: ей даже не верилось, что так будет до самого конца. Но именно так и было. И ещё одна неразрешимая загадка: нигде на страницах романа не было ни малейшего намёка на внешность главного героя (обложка не в счёт). Все прочие – злодеи, жертвы, борцы со злом, даже случайные встречные – все имели лицо, и даже черты лица. Все, кроме главного героя. Будто автор специально делал так, чтобы каждый читатель представлял себе своего Майка Хаммера.

А переводчики – тоже читатели. Вот и вышло у нас два Майка, которых предстояло в последний момент слить воедино.

Тем временем перевод мчался к концу. Злодеи падали, как снопы в жатву, раздосадованные красавицы таяли в дыму «Лаки Страйк». В последний день перед нашей встречей с Леной я работал как заведённый. Ко мне на огонёк заглянул мой друг и сосед Саша.

– Ну, как литературные успехи? – иронично поинтересовался он.

– Ещё двадцать семь страниц, по двадцать минут на страницу, итого девять часов, – голосом усталого робота ответил я.

– Какие минуты?! Ведь это художественная литература! – удивился Саша.

– А у подлинного профи скорострельность всегда постоянная. Что у меня, что у моего детектива Майка, – ответил я.

– Лады. Буду ждать перевода, – Саша удалился.

И вот он – последний абзац. От него и только от него зависит, с каким настроением вспотевший читатель закроет книгу и на ватных ногах побредёт в подземный переход за следующей. В нём загадочность просто зашкалила: я с трудом понял смысл эпилога. Нет, все слова и словоформы были ясны, но что хотел сказать автор? Порядком потрёпанный главный герой, расправившись со злодеями, уставился на закрытую дверь. И куда она его приведёт? К очередной затяжке «Лаки», к верной помощнице, к новой обворожительной злодейке или просто в соседнюю комнату? Видно, чтобы понять это, нужно было познакомиться с героем с первой страницы. Но, как вы помните, хруст разрываемого пополам детектива скрыл в тумане образ Майка на старте этого убийственного забега.

Весенний уикэнд у нас с Леной прошёл в творческой перепалке. Наконец-то я узнал, за кого так беспощадно мстит всем подряд наш герой. Его напарника порешили злодеи в самом начале. А Лена узнала, что Майк вовсе не Джеймс Бонд и девушкой в процессе стрельбы так и не обзавёлся. А под конец одну даже изощрённо убил. Хотя Лена поженски наивно надеялась, что эта линия получит развитие, ан нет.

Причесали мы текст, согласовали имена, перепечатали кое-что или исправили, вооружившись корректором и клеем, как водилось в докомпьютерном палеолите. И на следующий день сдали пирату готовый перевод в обмен на несколько портретов строгих господ в буклях.

Добычу мы пошли делить под чашечку кофе. По дороге я купил в киоске пачку «Лаки Страйк», чтобы подольше не расставаться с героем, с которым я за неделю сроднился. Сидя за столиком у окна кофейни, мы маленькими глотками пили обжигающий напиток, будто заново разглядывая город, оставленный нами неделю назад. Но никак не шёл у меня из головы последний абзац романа, который я перевёл, можно сказать, по наитию.

И вот, когда вскоре детектив (разумеется, без указания фамилий переводчиков) украсил все книжные развалы города, я ещё долго бродил от одного торговца к другому, выискивал роман Спиллейна и открывал его на последней странице.

Попался мне старина Майк в дюжине разных переводов, но двух одинаковых концовок я не встретил. Похоже, мои коллеги дружно дали волю своей фантазии, которая обычно не может освободиться от цепей оригинала и вырваться на простор. Концовки были иногда жизнеутверждающими, иногда лирическими, иногда жестокими, не обошлось и без любовной интриги. Бывало, что концовка походила на начало новых приключений несокрушимого детектива. Читатели об этом не догадались, ведь большинство из них познакомилось с Майком Хаммером по одному-единственному переводу.

Но я-то знал, в чём дело. Похоже, никто из переводчиков концовки романа не знал и не ведал, каким был герой вначале. И каждый дорисовал свой неповторимый финал.

Видно, не только нам с Леной досталась разорванная книга.